

Светлана Алексеева

Там, где живет любовь

Оторвав взгляд от монитора, Марина устало посмотрела в окно.

Залитый солнцем город утопал в ярком летнем цветении.

Горделиво раскинув широкие резные листья, вдоль улицы выстроились пышные ряды каштанов. Маленькие изящные клумбы пестрели разноцветными красками. Казалось, улицу наполнял головокружительный, восторженный праздник лета, праздник солнца, тепла и счастья.

В разноцветных шортах и коротеньких, не прикрывающих пупок топах по скверу прогуливались молоденькие длинноногие девчонки. Умостившись на скамейке и покрыв головы смешными шляпками-панамками, на солнышке грелись худощавые седоволосые старушки. Радуюсь жизни, вокруг фонтана с безудержными криками восторга носились маленькие беззаботные ребяташки. Умиляясь драгоценным чадам, за ними бегали суетливые, взволнованные мамыши.

Тяжело вздохнув, Марина отвела взгляд от окна и посмотрела на маленькую фотографию, стоящую на столе. На ней весело улыбался

белокурый голубоглазый мальчуган. Большие озорные глаза, добрая беззубая улыбка.

— Солнышко мое, мы обязательно будем вместе. Я обещаю тебе! — с болью произнесла женщина и сжала губы.

За дверью послышались чьи-то тяжелые, уверенные шаги.

Марина выпрямила спину и нервно напряглась. Она знала: так ходит только шеф.

Через мгновение двери распахнулись, и в кабинет стремительно вошел Теофилин.

— Марина Леонидовна, — наигранно насупив брови, закричал шеф, меряя кабинет огромными широкими шагами, — это что за отчет?! Я понимаю, что в стране кризис! Но почему он должен влиять на нас? Почему данные департамента оценки бизнеса демонстрируют такие низкие показатели?

В темном, не по сезону теплом костюме, немного покрасневший и порядком взволнованный, размахивая руками и бурча, шеф чем-то смахивал на глухаря, кружащего на току.

С трудом сдерживая улыбку, Марина внимательно посмотрела на своего начальника.

— Игорь Николаевич, вы же сами сказали: в стране кризис. Наши клиенты становятся экономнее. Соответственно, падает спрос и на наши услуги. А в отчете, сами понимаете, я отображаю

реальную картину, — вежливо произнесла она и мило улыбнулась.

Лучше бы она этого не делала.

— Картину, говорите? — ухмыльнулся Теофилин, резко сменив выражение лица. Теперь он стал похож на блаженного, созерцающего святой лик. Тяжело вздохнув, он подошел к столу и пристально посмотрел на нее. — Картина у нас одна, Мариночка. Это вы!

Его маленькие бесцветные глазки-пуговицы лукаво забегали по ее лицу, бесцеремонно опустились вниз и тупо застыли на том элегантном месте, где заканчивается декольте. Дыхание начальника стало прерывистым и тяжелым.

Резко встав, Марина одернула юбку и пристально посмотрела на шефа.

Невысокого роста, лысоватый и порядком растолстевший, в свои сорок семь лет он выглядел намного старше. Рано овдовевший Теофилин вместо устройства личной жизни с головой погрузился в работу. Кандидат наук, умелый управленец, пропадаящий целый день за рабочим столом, он только изредка вспоминал о том, что не так уж стар.

И все это было бы неплохо, если бы его воспоминания о возрасте не связывались напрямую с финансовым директором компании Мариной. Наверное, испорченный властью Теофилин

окончательно потерялся во времени, считая восемнадцатилетнюю разницу в возрасте вполне нормальной. Личные данные и интересы им вообще не учитывались.

Не привыкший к сопротивлению, идущий по жизни только напрямик, он оставался равнодушным к мнению окружающих. Достигший в жизни всего, чего только можно желать, он давно бы преодолел и такое препятствие, как Марина. Если бы не одно «но». Игорь Николаевич не был полновластным владельцем бизнеса. Являясь исполнительным директором международной консалтинговой компании, он был напрямую зависим от ее основных инвесторов — американцев. Именно тех американцев, волею которых руководить финансами была назначена Марина Самойленко. И только это обстоятельство являлось сдерживающим фактором, который уберегал молодую женщину от сексуальных притязаний ее шефа. Иначе ее дорога имела бы лишь два направления: либо спальня начальника, либо государственная биржа занятости.

— Игорь Николаевич, думаю, что данный вопрос вам лучше обсудить с представителями маркетингового отдела, — ответила Марина и деловито подхватила папку. — Я, к сожалению, не имею возможности присоединиться к этой

дискуссии. У меня назначена встреча. И, поверьте, очень много работы.

Теофилин изобразил непонятную гримасу, вытер вспотевший лоб и обреченно отступил назад.

— Знаю я вашу работу, Марина Леонидовна! Я все знаю, — тихо и немного злорадно процедил он и вышел из кабинета.

Сердце женщины тревожно сжалось. Таких откровенных намеков шеф еще никогда себе не позволял. Что он имел в виду? Неужели он что-то знает? А может, он где-то ее видел? Тогда ей конец.

Дрожащей рукой Марина открыла ящик стола, достала пачку сигарет и нервно закурила. По кабинету стал быстро распространяться запах табачного дыма, но она ничего не замечала. Беспорядочные мысли переполняли сознание, доводя до иступления и немного ужаса.

— Господи, за что?! — протянула Марина и тихо, словно раненый зверь, завывала.

По щекам потекли тонкие соленые ручейки слез.

Она не боялась ни боли, ни позора, ни бедности. Все это в ее жизни уже было. Пройдя сквозь муки ада, она готова была на все ради того, чтобы вернуть сына. Это было единственной целью, во имя которой она жила. Ради этого она вынуждена совершать поступки, которые унижают

ее в собственных глазах, обжигают мучительным огнем и разрывают сердце.

А может, все это — только плод ее больного воображения? Может, ей показалось? Ведь вероятность того, что шеф ее где-то встречал, была весьма мала. Скорее всего, в нем просто выиграло его раздутое нереализованное «эго». Ну, сказал первое, что в голову взбрело! Попал в «десятку». Сам того не зная, подстрелил, не целясь! Он шеф. Ему все позволено! А она, глупая, взялась фантазировать.

Достав косметичку, Марина подошла к зеркалу.

Честное и объективное, оно не врало. В зеркальном отражении на нее смотрела немного грустная, но очень красивая молодая женщина. На белоснежном, с легким румянцем лице светился теплый, мягкий взгляд бездонных голубых глаз. Красивый, немного продолговатый овал лица, ровный аккуратный нос, большие чувственные губы. Густые черные волосы уложены в высокую, завернутую ракушкой прическу.

Стараясь отогнать гнетущие мысли, Марина натянуто улыбнулась, немного припудрила нос и, приняв гордую осанку, села за стол.

Однако самовнушение действовало не очень сильно. Неудачно начатый день не предвещал ничего хорошего. Что-то смутное, холодное,

страшное тяжелой удавкой сжимало горло и не давало сосредоточиться. Отгоняя дурные предчувствия, Марина целиком погрузилась в работу.

А дел, и правда, предстояло немало. Впереди ее ждал отпуск. Отпуск, на который возлагались огромные надежды. Далекое и тяжелое путешествие, вернуться из которого она мечтала не с бронзовым загаром, а с сыном.

В назначенное время Марина встретилась с представителями крупной промышленной компании, заключила выгодный для фирмы контракт и провела совещание. Оставалось только передать дела своему заместителю.

Валерия Андреевна Дилеева была интересной и энергичной дамой бальзаковского возраста.

Марина искренне уважала и любила эту женщину, которая была ровесницей ее матери. Придя на фирму в одно время, они вместе осваивали новое для них дело. И когда через некоторое время при рассмотрении кандидатуры финансового директора выбор пал на Марину, Валерии Андреевне, за плечами которой был немалый опыт работы, хватило мудрости принять это решение как должное.

С тех пор Валерия Андреевна стала для Марины и другом, и помощником.

Вот и сейчас, передавая дела, Марина знала, что ее ведомство в верных руках.

— Валерочка Андреевна, — Марина протянула папку и сосредоточилась. — Главное, проконтролировать расчеты по «Аверсу». Если возникнет форс-мажор, звоните, я на связи. А когда вернусь, обязательно отпущу вас на Мальту. Договорились?

— Договорились, Марина Леонидовна, договорились! Ты только, девочка моя, ни о чем не волнуйся. Главное, чтобы ты вернулась домой с сынишкой! — тихо, нараспев ответила Дилеева и нежно улыбнулась. — Я буду за вас молиться!

Не успела Валерия Андреевна договорить, как на столе Марины запрыгал мобильный телефон. Нарушая тишину кабинета, раздалась волнующая мелодия Хачатуряна. Старый любимый вальс к драме Лермонтова «Маскарад». Он был созвучен с мелодией души хозяйки. Сердце Марины бешено забилося. Этот рингтон был установлен на вызов только от одного человека. Плохого человека.

Не глядя на экран, она испуганно накрыла телефон ладонью.

— Мариночка, отвечай! — в недоумении подсказала Дилеева и растерянно улыбнулась. Быстро поднявшись, она направилась к двери. — Я к себе!

Ничего не говоря, Марина смотрела на заместителя застывшим взглядом. По телу разливался неприятный холодок. Мелодия становилась все громче и громче, унося сознание в головокружительный, мистический мир человеческого маскарада. Того, который ждал ее сегодня. Помимо ее желаний, помимо ее воли.

Дрожащей рукой Марина обреченно взяла трубку.

— Да, — тихо ответила она, наперед зная то, что сейчас услышит.

— Ты чего же, красавица, так долго трубку не берешь? — без приветов и ответов выкрикнул Эдик.

— У меня были люди. Я все-таки на работе, — все так же еле слышно, на одной ноте ответила женщина.

— Ладно, не строй из себя великую труженицу. Основная работа тебе предстоит через два часа! — весело захихикал Эдик. — Ровно в половине пятого ты должна быть по адресу, который я тебе сейчас скину. Клиент очень серьезный. Настоящая «акула бизнеса». У них корпоратив в «Премьер-Палаце». Юбилей фирмы. Требуется манерность и язык. Понятно?

Марина молчала.

— Понятно? — грозно переспросил мужчина. — Чего молчишь?! Встреча при

галстуках. Не бойсь, красавица, секса не будет! И смотри мне, без финтов! Ты мне еще много должна!

— Эдик, послушай. Боюсь, что я сегодня не смогу, — попыталась возразить Марина. — Я себя плохо чувствую. Я устала. Очень устала. У меня уже нет никаких сил.

— Закрой рот, сучка! Устала она! Знаю я твои силы. Как мужиков мочить, так у тебя силы есть. А как ноги раздвинуть, так силы покидают! Не обсуждается. Если что-то будет не так, сегодня же менты будут смотреть одно очень интересное видео, — прошипел Эдик и нервно засопел в трубку.

— Хорошо. Я буду, — обреченно ответила женщина и бессильно упала в кресло.

Выбора у нее не было. Тем более сейчас.

Особо не изощряясь, она быстро придумала легенду о неожиданной проблеме, возникшей в налоговой инспекции, и уже через несколько минут выбежала из офиса.

Надев солнцезащитные очки, Марина решительно пошла по направлению к бульвару Шевченко. Она жила недалеко от университета, на старой, красивой улице Тарасовской. От офиса до дома было не более двадцати минут пешком. По киевским меркам это совсем немного. Миновав Владимирскую церковь, Марина перешла на другую сторону, оказавшись в тени роскошного

Ботанического сада. Небольшая дорожка, бегущая вдоль сада, вела к улице Льва Толстого. Чуть ниже лежала родная Тарасовская.

Чем ближе Марина подходила к дому, тем больше нарастала тревога. Опаздывать было нельзя. Иначе... От этого слова стало еще хуже. Несмотря на жару, по телу пробежал легкий озноб.

Вбежав во двор, она быстро взглянула на часы. До назначенной встречи оставалось чуть больше часа. Ускорив шаг, Марина повернула к подъезду.

— Мариш, погоди! — остановил ее низкий, осипший голос. — Самойленко!

Спрятавшись в тени кустарника, на скамейке сидела худощавая пожилая женщина, Татьяна Федоровна.

— Какой кошмар! — прошептала Марина и растерянно застыла возле подъезда.

Баба Таня, как называли ее соседи, считалась во дворе настоящим старожилом. Сразу после окончания войны, будучи совсем маленькой девчонкой, она вместе с родителями одной из первых поселилась в их доме. Некогда это здание было режимным объектом, и заселяли его руководящие работники НКВД и прокуратуры. Расположенный буквой «П» дом окружал маленький уютный дворик. Дворик, ставший для каждого из жителей частицей их жизни. В нем

делали первые шаги и впервые влюблялись, растили детей и провожали в армию, в нем играли свадьбы и хоронили. В нем все были свои, родные.

Менялось время, менялись жители. Только баба Таня оставалась вечной. Несмотря на преклонный возраст, старушка была активной. Будучи в курсе всех событий, Татьяна Федоровна считала своей обязанностью целиком и полностью контролировать жизнь соседей. Всякий раз она не упускала возможности дать им, как ей казалось, «дельный дружеский совет».

Став на старости лет особо сентиментальной, Татьяна Федоровна с огромным умилением рассказывала Марине о ее детстве, о том, какая она была хорошенькая. По-видимому, теперешний облик молодой женщины ей явно не нравился. Да и степень любви к ней в последнее время значительно уменьшилась. И все это из-за того, что Марина была невнимательна к старушке. Мало рассказывала о себе, да и жила не так, как того хотела соседка. Бабуля откровенно морщилась, когда Марина выходила из дорогих, так называемых «бандитских» машин, носила неприличные юбки и какие-то потрепанные, а то и вовсе окончательно порванные джинсы.

Тяжело вздохнув, Марина вопросительно посмотрела на старушку.

— Что такое, Татьяна Федоровна?

— Подойди ко мне! — прищутив маленькие подслеповатые глаза, приказала бабулька.

— Баба Таня, я спешу. Я только на секундочку с работы убежала! — попыталась увильнуть Марина.

— Подойди, говорю! — насупив белесые, выцветшие бровки, повторила старушенция.

— Ну, что? — на ходу поинтересовалась Марина.

— Видишь, сумки стоят? Помоги отнести наверх! — властно, по-царски указав перстом на пакеты, лежащие рядом, потребовала соседка.

Не теряя времени, Марина обреченно подхватила сумки и побежала к подъезду.

— Только, пожалуйста, Татьяна Федоровна, поскорее. Я очень спешу! — забегая в парадное, выкрикнула она.

Мигом взлетев на четвертый этаж, положила под дверь бабкину поклажу и побежала обратно. Старушка неспешно семенила к подъезду.

— Пакеты под дверь! — на лету бросила Марина и побежала к дому напротив.

Времени оставалось не так уж много.

Влетев в квартиру, она на ходу побросала одежду и залетела в душ. Нежные, слегка игривые струйки воды полились по телу. Закрыв глаза, Марина смело подставила лицо под воду. Боясь пошевелиться, она чувствовала, как упругие струи

уносят с собой часть ее боли. Ласковая чистая вода согревала тело и очищала душу. Постепенно тревога угасала, оставляя в сердце только легкий след постоянной грусти.

Времени копаться в себе больше не было. Главное, чтобы Эдик остался ею доволен. Главное, чтобы ничего не случилось до того, как она будет вместе с сынишкой. А дальше? А дальше — все равно! Можно поменять город, можно сменить фамилию, можно, наконец, уехать за границу! Только эти десять дней продержаться, несмотря ни на что, стиснув зубы и улыбаясь, делать то, чего от нее ждут.

Вызвав такси, Марина подошла к зеркалу и внимательно посмотрела на свое отражение. Стройная и высокая, она обладала изящной девичьей фигурой. Элегантное гипюровое платье нежного розового цвета удачно подчеркивало талию и красивую высокую грудь. Небольшое полукруглое декольте было украшено тонким жемчужным ожерельем. Белые лаковые туфли гармонично сочетались с небольшой сумочкой, сделанной из такой же глянцевой белой кожи.

Тяжело вздохнув, Марина закрыла дверь и вышла из дому.

— Господи, прости меня! — прошептала она и села в машину.

Глава 1

Марина росла в счастливой и успешной семье. Ее добрый, любящий родитель, Леонид Самойленко, состоял на дипломатической службе и не один год провел за границей. Живя в достатке, он никогда не оставлял семью без своей опеки и заботы. Марина родилась в Ирландии, раннее детство провела в Дублине и только перед тем, как поступить в школу, переехала в Украину. Однако на родной земле долго жить ей не пришлось. Когда Марине исполнилось восемь лет, отца направили на работу в Великобританию.

Больше трех лет она провела на Туманном Альбионе. Обучаясь в престижном Лондонском колледже, Марина легко общалась со своими сверстниками, найдя среди них много интересных людей и настоящих друзей. Девочка изучала их быт и уклад, религию и традиции. Она многому научилась у педантичных англичан и рачительных шотландцев. Вместе с подругами Марина бродила по старинным церквям и замкам, слушала органную музыку и играла в крикет.

Каково же было ее разочарование, когда всего за один миг ее счастливое и безмятежное детство закончилось.

Марина никогда не забудет тот день, когда их семья, в страшной панике и сумятице собравшись за несколько часов, была вынуждена вернуться в Украину. Одиннадцатилетний ребенок, она тогда плохо понимала, что такое ГКЧП¹, что означает развал Союза. Но, глядя на заплаканные глаза матери и суровое выражение лица отца, не вынимавшего из рта сигарету, понимала, что это плохо.

После возвращения в Киев, ставший столицей независимого государства, отец еще несколько лет проработал в МИДе. Затем его перевели в консульство Австралии и утвердили на далеко не лучшую должность, отчего он становился все более и более угрюмым. Радостные и беззаботные дни, полные веселья, тепла и достатка, остались в далеком прошлом. Из дома как-то в одночасье исчезли дорогие сервизы, шелковые гобелены и персидские ковры. Все чаще отец, так и не сумевший принять новую власть, возвращался

---

¹ ГКЧП (Государственный Комитет по чрезвычайному положению СССР) — орган, созданный рядом высших государственных лиц СССР в ночь с 18 на 19 августа 1991 года и предпринявший неудавшуюся попытку государственного переворота путем отстранения Президента СССР М. С. Горбачева от власти, известную также под названием «августовский путч».

домой злой и пьяный, проклиная нынешний режим и свое начальство. Все громче становились их семейные скандалы, все дольше рыдала на кухне поседевшая мать.

Пытаясь отгородиться от семейных неурядиц, Марина постепенно замкнулась в себе, убегая от окружающей действительности и друзей в спасительный мир науки. Осознавая, что скоро предстоит испытание на прочность, она начала готовиться к поступлению в вуз. Девочка видела, как в разыгравшемся шторме терпит крушение их семейный корабль, как безвольно отпустил штурвал капитан, — и понимала, что рассчитывать в жизни теперь может только на себя. Ведь она хотела жить так, как жила прежде: спокойно и счастливо. Марина осознавала, что именно от нее теперь будет зависеть, добьется она этого или нет.

Как-то ее мама, видя старания дочери, неожиданно разоткровенничалась:

— Учись, доченька, это правильно! Но успешному человеку не только ум, ему еще мудрость нужна. Думаешь, отец твой оказался так глуп, что под откос свою и наши жизни пустил? Нет, дорогая, он умен, даже очень умен. Но, наверное, не мудр. Именно сильные и умные быстрее ломаются. Посмотри, что в лесу после бури творится! Какие деревья ураган больше ломает? Удивительно, но именно сильные и могучие дубы

первыми падают от его грозных порывов. Они не могут смириться, что какой-то там ветер сильнее их. И только березки, тонкие, гибкие и покладистые, остаются целыми после этого вселенского шабаша. А ведь у людей все так же, как в природе! К сожалению, в жизни существуют обстоятельства, которые зачастую намного сильнее нас. И если ты не хочешь поломать свою судьбу, порой надо со многим смириться.

Ее подружки откровенно смеялись, глядя на то, как скучно она проживает свои молодые годы. Многих раздражало, что вместо посещения школьных вечеринок Марина проводит время в библиотеках и читальных залах. Однако, наблюдая за тем, как безрадостно прозябает ее некогда могущественный родитель, нашедший свое единственное спасение в стакане с водкой, как попавшая под сокращение мать, не найдя иного заработка, относит вещи в комиссионку, Марина отчаянно пыталась вырваться из этого замкнутого круга поражений. Она верила в свою победу.

И она победила. Окончив школу с золотой медалью, девушка твердо знала, что будет делать. И когда на вступительном экзамене она наизусть декламировала Шекспира в подлиннике, приемная комиссия была искренне поражена ее знанием языка. Торжественно сообщив родителям о том, что она стала студенткой Киево-Могилянской

академии, Марина почувствовала себя настоящей героиней, прошедшей самое большое испытание в своей жизни. Чувствовала ли она тогда, что ждет ее впереди?

Не успев в полной мере насладиться своей победой, Марина подверглась новому испытанию. Оставшийся без работы и окончательно спившийся отец стал для семьи настоящим бременем. А уехав в самый канун Нового года на дачу, больше оттуда не вернулся.

Изрядно напившись и уснув в промерзшем насквозь доме, он так и не почувствовал окутавшего его холода. И когда встревоженная мать приехала на дачу, отец уже был мертв. Девушка тяжело пережила эту трагедию. Но она так и не поняла, что в ее жизни оказалось большей потерей: дорогой родитель или прекрасная сказка детства, в которой великий и напыщенный король оказался голым.

А через год медленно, как церковная свеча, угасла мать.

Несмотря на трудности, выпавшие на ее долю, Марина не опустила руки. Договорившись с преподавателями, девушка стала подрабатывать на кафедре, получив маленькую, но такую необходимую для нее зарплату лаборанта. Постепенно в череду житейских проблем, экзаменов и рабочих будней боль утраты,

беспощадно ранящая ее душу, стала медленно отступать. Марина успешно перешла на четвертый курс.

В город ворвалось очередное лето, яркое и жаркое. Но ни раскаленный асфальт, ни палящее солнце не могли испугать народ, заполонивший придорожные кафе и песчаные пляжи Днепра. Засидевшись за зиму дома, все хотели поскорее наградить себя бронзовым загаром, попить прохладного пенящегося пивка и показать себя в таком соблазнительном виде, словно их должны были снимать для обложки журнала «Плейбой». А по вечерам, когда спадала жара, на площадях возле фонтанов собиралась молодежь, полная романтических надежд и трепетных желаний.

Посмотрев на этот благоухающий праздник лета, Марина тяжело вздохнула, поцеловала портрет родителей, заботливо помещенный в деревянную рамку, и повесила его на стену. И уже на следующий день красивая, стройная, молодая блондинка по имени Марина, жаждущая любви и счастья, в компании подружек гуляла по Европейской площади.

Скинув босоножки и закатив до колен свои новые голубые джинсы, она вместе с подругами зашла в ледяную прохладу воды, плавно стекающей по ступенькам. Рядом, радостно плескаясь, играли маленькие дети. Вокруг была

масса людей, спасающихся от жары. Не обращая ни на кого внимания, с веселыми криками восторга, сквозь переливающиеся брызги воды девушки быстро побежали вниз. Приятная прохлада разлилась по всему телу. Слегка поскользнувшись и не удержав равновесия, Марина взмахнула руками и плюхнулась в воду. Выпавшие из рук босоножки медленно уплывали в бесконечном потоке воды.

— Ой! — выкрикнула Марина, с досадой ударив руками по водной глади.

Ухватившись за железные поручни, она осторожно поднялась и огляделась по сторонам. Мокрые джинсы неудобно обтянули ноги, футболка плотно прилипла к телу. Поправив упавшие на лицо волосы, девушка внимательно посмотрела вниз, ища глазами свою исчезнувшую обувь. Но среди живого муравейника, состоящего из маленьких детишек, плещущихся в воде, она так ничего и не увидела.

Осторожно спустившись вниз, девушка наконец-то заметила одну босоножку. Второй нигде не было. Стоя среди играющей детворы, она с растерянностью смотрела по сторонам.

Неожиданно кто-то дернул ее за руку. Обернувшись, Марина увидела интересного молодого человека явно арабского происхождения. Внимательно глядя на нее серьезным, почти

гипнотическим взглядом, он держал в руке то, что она так долго искала.

Парень был среднего роста, почти вровень с ней; ветер трепал его волнистые черные волосы, которые игриво переливались на солнце. Красивый, с крупными правильными чертами лица, он заметно выделялся среди людей, гуляющих на площади. В белых брюках и такой же белоснежной рубашке-косоворотке он, совершенно не смущаясь, стоял в воде.

Глядя на Марину пристальным серьезным взглядом больших карих глаз, он вдруг улыбнулся светлой, доброжелательной улыбкой.

— Это ваша туфля? — спросил он, старательно выговаривая слова, которые, по-видимому, давались ему с трудом.

— Да, это моя туфля! Большое спасибо! — ответила Марина и впервые за долгое время так весело рассмеялась, что парень невольно заразился ее смехом.

— Я что-то не так сказал? — смущенно улыбнулся он. — Подскажите, я плохо знаю язык. Я сириец.

— Нет-нет, все нормально! Просто у нас туфлями называют закрытую обувь. А вы нашли открытую, летнюю обувь, которую в паре называют босоножками. Но вам эти подробности, я думаю, ни

к чему. Вы и так молодец! — откровенно похвалила его девушка и, взяв свою пропажу, вышла из воды.

Не успела Марина пройти пару метров, как кто-то снова схватил ее за руку.

— Подождите, не уходите! — немного волнуясь, проговорил недавний знакомый и посмотрел на нее таким обжигающим взглядом, что в груди у нее все сжалось. — Давайте погуляем!

— Нет-нет, — вежливо отстранилась Марина. — Вы же видите, я вся мокрая. Мне надо переодеться.

Не понимая почему, она хотела поскорее от него убежать. Как будто какая-то невидимая сила отгоняла ее от него. Несмотря на то что парень показался ей симпатичным, она была почему-то напугана. Напугана диким предчувствием, неожиданной встречей, необыкновенным взглядом. Так на нее не смотрел еще никто.

— Подождите! — не отступал тот. — Я провожу вас!

— Не надо, это лишнее, — категорически отказалась девушка, прислушиваясь к своему внутреннему голосу.

Нацепив на ходу промокшую обувь, Марина не спеша пошла к остановке. Настроение было порядком испорчено. И если бы не это навязчивое чавканье под ногами и не этот настырный иностранец, она бы вряд ли пошла домой. Ведь на

улице была невыносимая жара. Одежда высохнет на ней раньше, чем она доберется до квартиры. А сколько времени будет упущено!

Задумавшись, девушка подошла к остановке.

Неожиданно Марина услышала сильный скрежет колес. Обернувшись, она увидела, как, на ходу выпрыгнув из машины, к ней бежит настырный иностранец. Ловко перепрыгнув через забор, он преградил ей дорогу.

— Стойте... — протяжно, с мольбой проговорил он.

— Что случилось? — с тревогой спросила девушка.

— Я очень прошу, разрешите вас проводить! Я взял такси. Идемте, пожалуйста! — быстро, немного бессвязно проговорил он и, не дожидаясь ответа, взял ее за руку.

Конечно, по правилам приличия она должна была бы разозлиться, вырваться из рук наглеца и просто сказать, что порядочные девушки на улице не знакомятся. Но... Но она этого не сделала. Немного растерявшись, но не отнимая руки, она стояла, не зная, что сказать. Вокруг сновали прохожие, живым потоком огибая двух прекрасных молодых людей, которые как загипнотизированные смотрели друг на друга.

Марина молчала. Она чувствовала такое нежное, трепетное тепло, исходившее от рук парня,

что поневоле страх стал отступать. Глядя на нее ласковым и преданным взглядом, он тихо, но настойчиво попросил:

— Идемте, пожалуйста!

И она пошла. Пошла по зову своего сердца. Сердца, жаждущего тепла, сердца, тоскующего по любви, сердца, желающего ласки. И, несмотря на то что разум упрямо просил ее остановиться, девушка безрассудно поддалась своим чувствам, нахлынувшим на нее такой волной любви и страсти, какую она еще никогда не ощущала.

Впервые в своей жизни Марина влюбилась. Влюбилась именно в того, о ком часто мечтала долгими бессонными ночами. Ведь она всегда верила, что в ее жизни обязательно появится принц. И даже если он не будет на белом коне, то непременно протянет хрустальную туфельку, которая сделает ее жизнь сказочной и прекрасной. И он появился. В том, что это был он, девушка больше не сомневалась.

Чужеземный принц по имени Муфид оказался гражданином Сирии. Родившийся в Дамаске в семье крупного предпринимателя, владеющего заводом по переработке оливок, он по настоянию родителей приехал в Украину, чтобы получить образование, необходимое для продолжения семейного бизнеса.

Муфид поступил в политехнический институт и среди однокурсников быстро нашел много верных и надежных друзей. Но сердце всегда звало его на родину. К тому же в родном Дамаске его ждала невеста, которую, следуя старинному обычаю, нашли для него родители. Девушка была из достойной семьи, и за нее уже отдали калым. И пусть он не особо вздыхал, глядя на ее фотографию, надежно спрятанную среди множества банковских кредиток в портмоне, но так решили родители, значит, ему оставалось принять их выбор. И надо же было такому случиться, что всего за один год до окончания учебы он вдруг неожиданно и сильно влюбился.

Красивая, умная, озорная украинка просто сводила его с ума. Казалось, они были знакомы целую вечность. От нежных слов, трепетных прикосновений и волнующих ласк у Марины кружилась голова — настолько хорошо ей было с Муфидом. Он бросал к ее ногам огромные букеты благоухающих роз, задаривал дорогими подарками и баловал ужинами в роскошных фешенебельных ресторанах. Сняв яхту, они на целый день могли отправиться в путешествие по Днепру. Простой девушке, привыкшей к более чем скромному образу жизни, когда каждый день превращался в борьбу за существование, эта роскошь показалась сказкой. В

ответ златовласая красавица беззаветно отдала ему свое сердце, полное любви, ласки и надежды.

Быстро пролетели эти прекрасные, незабываемые романтические дни. Стремительно ворвавшись в жизнь девушки, ее любимый так же неожиданно оставил ее одну. Но она не чувствовала себя одинокой, зная, что где-то там, в далекой стране, есть человек, который думает о ней. Она была уверена: что бы теперь ни случилось, он обязательно будет рядом. Сильный, надежный, верный.

Потянулись томительные месяцы ожидания, наполненные телефонными разговорами и нежными, тысячи раз перечитанными письмами. А когда перед самым началом осени Муфид вернулся в Киев, они поняли, что больше не смогут жить друг без друга. И уже через год, приняв мусульманство и став законной женой любимого человека, Марина ступила на священную землю Сирии.

Однако, открыв чужой стране свое доброе и радостное сердце, она не получила ответных чувств. Перед ней расстилались сухие песчаные равнины с редкими кустарниками ковыля и перекатывающимися под горячим ветром бесформенными верблюжьими колючками.

Не имея своего жилья, молодожены были вынуждены поселиться у родителей Муфида,

живших в роскошном особняке в старой части города. И как Марина ни старалась быть внимательной и приветливой с его родными, девушка быстро поняла, что никогда не станет для них своей. Семья мужа откровенно не хотела ее принимать. Она навсегда осталась для них чужой. Ведь брак против воли родителей по местным обычаям считался преступлением. К тому же только после приезда в Дамаск Марина узнала о том, что у Муфида до нее была невеста. Ни первого, ни второго девушка, выходя замуж, не знала.

Она отреклась от своей веры, бросила дом и оставила родную землю ради самого дорогого и единственного любимого ею человека, который со слезами на глазах обещал, что теперь будет жить ради того, чтобы каждый день по утрам видеть ее счастливую улыбку. И она поверила. Слепо. Безрассудно. Безоглядно.

Часто, сидя вечерами в семейной комнате, свекровь откровенно говорила Марине о том, что она напрасно сюда приехала. Именно мать Муфида превратила жизнь Марины в настоящий ад, постоянно оскорбляя и унижая ее. Несмотря на обиду, девушка старалась быть терпеливой и покладистой, помня слова своей матери. Плохо разбираясь в местных обычаях, молодая жена никак не могла понять: почему она должна есть из общей тарелки со всеми членами семьи? Почему не имеет

права зайти в гостевую комнату, если там собрались мужчины? Почему не может выйти на улицу, не повязав на голову и шею платок? Почему не имеет права одна гулять по городу или ходить по магазинам? Она не могла смириться с тем, что ее красивые белокурые волосы стали предметом оскорблений и унижений в новом доме. Горькие слезы обиды обжигали ее молодое красивое лицо. Но она безропотно сносила все ради своей большой и единственной любви. Только по вечерам, укрывшись в глубине большого дома, Марина становилась на колени и прижимала к груди маленький образок с Богородицей, искренне прося прощения за свое вероотступничество.

Это была чужая страна со своей культурой и особым жизненным укладом. Менять их Марина не могла и не имела права. Поэтому чарующая романтика, лирически воспетая Муфидом под звездным украинским небом, на самом деле оказалась намного прозаичней. Да и в семейной жизни прозы становилось все больше и больше. Стараясь спасти угасающий огонь любви, девушка пыталась во всем угодить мужу, который, будучи полностью зависимым от родителей, все чаще смотрел на жену как на помеху, путающуюся под ногами. Все сильнее отличался он от того нежного и внимательного Муфида, которого она так искренне и беззаветно полюбила. А ведь на всей

земле для нее не было человека дороже его. В надежде хоть что-то изменить, внести в свою жизнь разнообразие и интерес, девушка решила заняться поиском работы. Но этого ей сделать не удалось.

— Ты приехала в нашу семью, чтобы окончательно унизить нас в глазах людей? — узнав о том, что невестка ищет работу, взывала свекровь. — Мало того, что ты охмурила моего сыночка, запачкала его в своей вере и увела от добропорядочной невесты! Теперь ты хочешь его оскорбить? Основное призвание мусульманских жен — это забота о доме, семье, детях и муже! Негоже порядочной женщине искать работу! Без согласия мужа ты не имеешь на это права. Если же ты хочешь пойти работать, значит, ты его не любишь! Так зачем ты сюда приехала?!

Но девушка не сдавалась. Стараясь сохранить семью, она безропотно слушалась свекровь и угождала мужу. Облачившись в хиджаб ², в сопровождении сестер Муфида Марина ежедневно ходила за покупками на центральный рынок Дамаска Сук-эль-Хамидия. И по вечерам любовалась тем, с каким наслаждением муж ест приготовленные ею сирийские блюда. Каждую

---

² Хиджаб — в исламе — название женской уличной одежды, скрывающей лицо и фигуру.

пятницу в сопровождении семьи женщина терпеливо ходила на намаз в центральную мечеть Дамаска. Не забывая об учебе, при помощи Интернета и благодаря переписке со своими сокурсниками и преподавателями, Марина без проблем осилила программу последнего курса академии.

— Лучше бы ты поскорее внуков принесла, чем диплом! — ворчала свекровь.

Но Марина не хотела останавливаться на достигнутом. Девушка втайне надеялась, что когда-нибудь и она сможет принести пользу их семейному бизнесу, который почему-то оставался для нее наглухо закрытым. Летом, вернувшись в Дамаск из Киева, она подготовила для родных сюрприз: с гордостью показала диплом об окончании самого престижного в Украине учебного заведения и сообщила, что стала студенткой экономического факультета Национального университета имени Шевченко. Однако эта новость не была оценена должным образом.

Но погрузиться полностью в учебу Марине так и не удалось.

Вскоре она узнала, что ждет ребенка. Это известие подарило ей столько радости, что все существующие проблемы отодвинулись на задний план, настолько ничтожными и малыми они показались по сравнению с тем грандиозным

событием, которое ждало ее впереди. Муфид тоже обрадовался ее беременности. Муж щедро осыпал ее подарками, стал заметно внимательнее и добрее. Только дома бывал все меньше и меньше. Уделяя огромное внимание бизнесу, он целыми днями пропадал на работе. Но Марина относилась к этому с пониманием. Она искренне жалела Муфида. Несмотря ни на что, молодая женщина видела, что отношение к ней заметно улучшилось. Да и свекровь перестала ее грызть, только изредка вздыхала, глядя, как полнеет и хорошеет невестка.

И как будто посылая прощение свыше, на великий христианский праздник Благовещения, седьмого апреля, Господь подарил Марине прекрасного младенца и самое великое женское счастье — счастье материнства. Обессиленная после тяжелых родов, она, затаив дыхание, прижимала к груди маленький комочек, завернутый в белоснежные шелковые пеленки. Слезы радости лились из ее глаз, когда она смотрела, как этот маленький человечек, похожий на нее как две капли воды, посапывая, с упоением пьет из груди молоко. Она не могла дождаться момента, когда этого прекрасного ангелочка увидит Муфид.

Но молодой отец не разделил ее радости. Сдержанно улыбнувшись, он быстро отдал ей первенца и, сославшись на занятость, поспешил на работу. Больше жена его в этот день не видела.

Глава 2

Полная радостных хлопот, Марина поначалу не обращала внимания на косые взгляды свекрови, которые та кидала в сторону Надима (так единогласно на семейном совете назвали ее сынишку). Милый, улыбчивый, не капризный, он почему-то никак не привлекал к себе внимания родных. Казалось, что его просто не существовало. Поначалу молодую мать это удивляло. Потом она решила, что так принято, и еще больше окружила малыша своим вниманием. Теперь она не отходила от него ни на шаг.

С рождением сына Муфид все чаще и чаще задерживался на работе. Внимание, дарованное ей во время беременности, с появлением малыша бесследно исчезло. Его уже не интересовала не только жена, но даже сынишка. Казалось, ребенок его даже раздражал. Жалуясь на то, что из-за детского плача он не высыпается, Муфид перешел в другую спальню. После этого они стали видеться еще реже. Да и родня, так искренне ждавшая их первенца, теперь заглядывала лишь по делу. Ни первая улыбка, ни первые слова, ни первые шаги Надима никому не были нужны. Никому, кроме Марины.

Радуюсь и рыдая, она смотрела за тем, как растет малыш. И чем больше он подрастал, тем больше проявлялась его типичная славянская внешность. Но ни прекрасные голубые глазенки, ни шелковые белокурые кудряшки, ни нежное, с легким розовым румянцем личико мальчика не радовали его отца. Хмурясь и вздыхая, он совершенно не интересовался сыном.

Как-то осенью, оставив коляску в густой тени мандаринового дерева, Марина неторопливо занималась уборкой дома. Поглядывая в окно, она с упоением наблюдала за тем, как сладко, слегка посапывая, спит сынишка. Вдруг женщина заметила, как к колыбельке, оглядываясь по сторонам, подошла свекровь. Склонившись над младенцем, бабушка начала пристально его рассматривать. Затем резко отпрянула назад, зло сплюнула и, громко выругавшись, поспешила прочь.

Слезы обиды застилали глаза молодой женщины. Выбежав во двор, она прижала к груди сынишку и, осыпая беззащитное тельце нежными поцелуями, тихо заплакала.

— Солнышко мое, маленький мой мальчик, я никому не позволю тебя обидеть. Господи, что я наделала! — простонала она, понимая, что теперь в этой стране суждено страдать не только ей, но и ее сыну.

Как Марина ни старалась разбудить в муже отцовские чувства, он откровенно не хотел признавать сына. А затем и вовсе заявил, что это не его ребенок. Измученная бессонными ночами и страшными упреками, уставшая от обид и оскорблений, молодая женщина не знала, что делать. Свою отраду и спасение Марина находила в сыне. Уходя из дому, они подолгу гуляли в саду или бродили по красивым тенистым улицам старого Дамаска.

Какова же была ее радость, когда однажды ночью сынишка, которому недавно исполнилось десять месяцев, тихо забормотал:

— Мама, мама, мама!

Не помня себя от счастья, она бросилась к нему, прижимая к груди самое дорогое, что было в ее жизни.

Боясь упреков родных, Марина старалась говорить с Надимом не только на русском, но и на арабском языке. Поэтому очень скоро малыш сказал и свое первое арабское слово. Довольная и гордая успехами сына, молодая женщина решила немедленно поехать в офис к мужу в надежде хоть этим растопить его очерствевшее сердце.

Приведя себя в порядок и нарядив мальчика, Марина в прекрасном настроении вошла в приемную. Однако чопорная секретарша попросила подождать, ссылаясь на то, что у Муфида

совещание. Каково же было удивление Марины, когда через полчаса, отворив дверь кабинета, муж приказал секретарше принести бокалы. Не помня себя, молодая женщина ворвалась в кабинет. В гостевой комнате сидела полуобнаженная девушка. Ничего не сказав, Марина выбежала из кабинета.

Слезы обиды, отчаяния и боли обжигали ее лицо. Подгоняемая ураганным ветром, прижимая к себе сынишку, она бесцельно бродила по городу, не зная, что делать. Густые сумерки плавно опустились на город. По крышам домов застучал прохладный зимний дождь. Как будто разрываясь, небо озарилось сиянием яркой грозовой молнии. Сотрясая землю, ударил сильный, беспощадный гром. По придорожным канавам, громко журча, потекли бурные ручейки воды.

Крепко прижимая к себе перепуганного сынишку, Марина бессильно застонала.

— Мама, мама! — залепетал Надим и плотно обхватил ее шею.

Задрожав, Марина с мольбой посмотрела в небо. Слезы безудержно лились по ее лицу. Оставшись одна в этом диком и жестоком мире, она так хотела найти человека, который будет верно и беззаветно ее любить, сделает ее жизнь солнечной и счастливой. Человека, рядом с которым будет надежно и спокойно. Когда-то ей казалось, что Муфид был именно таким. В ответ на его чувства

она поехала за ним на край света, оставила родную землю, оставила друзей и даже веру. Он же... Он подло и цинично предал ее, жестоко растоптал самое светлое, самое чистое, что она ему дала, — любовь.

Марина была готова немедленно убежать, оставить эту страну и никогда больше сюда не возвращаться. Но она прекрасно понимала, что теперь она не одна. Теперь у нее есть сын. Маленький родной человек, за судьбу которого она в ответе перед Богом. Оставить его было выше ее сил. А с маленьким ребенком, которому нет и года, улететь из страны вряд ли будет легко. Да и не было у нее на это необходимых средств.

Понимая безвыходность своего положения, Марина обреченно пошла домой. Поступить по-другому она не могла.

Услышав стук двери, навстречу вышла свекровь. Прищуриив глаза, она пристально посмотрела на невестку, испуганно прижимающую к груди ребенка:

— Ты где так долго была?

— Неужели вас это волнует? — прижавшись к двери, тихо ответила Марина.

— Если честно, то не очень! Но что подумают о нас почтенные люди, встретив тебя с младенцем так поздно в городе? А впрочем, чего можно ожидать от тебя после такого скандала, который ты

учинила на заводе! Ты опозорила всю нашу родню, оскорбила достойную девушку, дочь наших друзей.

— Я?! — удивленно переспросила Марина.

— Да, ты! — громко заявил Муфид, услышавший их разговор.

Ничего не ответив, Марина поспешила в свою комнату. Сжав губы, она не проронила ни слова. Казалось, ее сердце, горячее и большое, застыло, словно брошенный придорожный камень. И только малыш, громко и настойчиво требующий внимания, вернул ее к жизни. Покормив Надима и уложив его в кровать, она одиноко застыла у раскрытого окна, глядя туда, где была ее родная и такая далекая земля.

Поздно ночью, когда в доме утихли голоса, двери комнаты отворились и в проеме, качаясь от опьянения, застыл Муфид.

— Что ты хочешь? — перепуганно спросила Марина.

— Нам надо поговорить.

— Да, надо. Но уже поздно, ты разбудишь ребенка. Иди спать.

— Нет, я хочу сейчас! — выкрикнул он и ввалился в комнату.

Марина подбежала к кроватке и тихим шепотом успокоила младенца.

Когда она обернулась, муж уже сидел на диване, вальяжно развалившись на больших мягких подушках, лежащих по краям.

— Говори, чего ты хочешь? — разозлилась Марина.

— Я любил тебя... — начал он и осекся.

— И?..

— Не надо нам было этого делать. Моя мама права, мы чужие! Но, может быть, у нас еще что-то и вышло бы, если бы не твой сын.

— Это и твой сын! — перебила женщина.

— Не знаю, может быть, — впервые за все время согласился муж. — Но он совершенно не похож на меня; он твой сын. Сын твоей земли. А я сын своих родителей. Я не имел права поступать против их воли. Знаешь, что с ними было, когда я расторгнул помолвку со своей невестой? А ведь они так много надежд возлагали на наш брак. Ведь ее отец — владелец одной из самых крупных плантаций оливковых деревьев в нашей стране. Вместе мы сможем создать целую империю. Я был так глуп.

— Так это она была в твоём кабинете? — взволнованно спросила Марина.

— Да, — тяжело вздохнув, признался Муфид.

— Вот и прекрасно, что ты мне во всем признался! Теперь нам остается только развестись. И чем быстрее, тем лучше! Мне тяжело находиться

в этом доме. Я очень хочу поскорее вернуться в Украину, вернуться вместе со своим сыном.

— Не знаю, что на это ответят родители, — пробубнил Муфид, задумчиво наморщив лоб.

— Можно подумать, я им нужна! — взвилась Марина.

— Нет, конечно, — тяжело вздохнув, признал супруг. — Но им необходимо сохранить благопристойность в глазах общества. Думаю, будет лучше, если я просто возьму еще одну жену. По законам нашей страны мужчины имеют право иметь до четырех жен.

— Что-о?! — протянула Марина и, бросившись к мужу, схватила его за плечи. — Так это такую счастливую жизнь ты мне обещал? Жизнь в гареме!

— Хватит! — взбесился Муфид, с силой оттолкнув ее от себя. — Мне и без тебя плохо! А насчет гарема не волнуйся. Еще неясно, захочет ли моя вторая жена делить с тобой кров.

Больше Марина его не слышала.

Всю ночь она не спала. Мечась по подушке, не могла найти себе места; казалось, еще немного, и она просто сойдет с ума — настолько ранящими и жестокими были для нее слова мужа. Она решительно не знала, что делать. Не знала, что ждет ее впереди. Только под утро, измученная и уставшая, она наконец уснула.

Марину разбудил тихий, ненавязчивый шепот. Открыв глаза, женщина увидела склонившуюся над кроватью ее сына младшую сестру мужа, Алию. Ласково поглаживая мальчика по головке, она заботливо поила его молоком. Глаза девушки светились нежностью и добротой.

Алия была красивой молодой девушкой, младшей из трех сестер Муфида. Несмотря на то что ей недавно исполнилось восемнадцать лет, родители серьезно занимались поиском жениха для нее. Добрая, отзывчивая, ласковая, Алия была единственным человеком в семье, который искренне жалел и понимал Марину. Только она, не скрывая восторга, весело играла с Надимом, рассказывала Марине о Сирии, о ее традициях и нравах. Привязавшись к невестке, Алия хотела, чтобы у них с Муфидом все наладилось.

Улыбнувшись, Марина поднялась с кровати.

— Доброе утро! — осипшим, глухим голосом выговорила она.

— Доброе утро! — немного растерянно ответила девушка. — А я вижу, что ты не встаешь. Знаю, что наверняка всю ночь не спала. Вот я и решила покормить малыша.

— Почему ты решила, что я не спала? — удивленно поинтересовалась Марина, пристально вглядываясь в ее глаза.

— А кто бы на твоём месте заснул, — тяжело вздохнув, ответила Алия и опустила взгляд.

— Так ты уже все знаешь?

— Да, знаю. Я вчера слышала его разговор с матерью. После этого я тоже долго не могла уснуть.

— И ты все слышала?

— Да, — прикусив губу, тихо ответила девушка. По ее щекам ручьем потекли слезы.

— И о чем же они говорили? Скажи мне, Алия, — взволнованно попросила Марина.

Девушка поставила бутылочку на стол и подошла к окну. Было видно, что этот разговор труден для нее.

— Я не могу тебе всего рассказать. Но одно скажу: мать сильно ругала Муфида, утверждая, что он слишком добр к тебе. Больше ничего говорить не буду. Если они узнают, что я на твоей стороне, мне несдобровать. За это меня могут покарать, могут и наследства лишить. Ты же знаешь моих родителей. Они и с Муфидом так поступили.

— В каком смысле? — удивленно округлив глаза, спросила Марина.

— Да в прямом! Они ему ультиматум поставили: или ты, или наследство. Вот он и пошел у них на поводу.

Сердце Марины учащенно забилося.

— Не переживай, Алия. Я все понимаю, я никогда не предаю тебя. Я ведь знаю, что ты

хорошая девушка. Ты всегда была добра и ко мне, и к Надиму. Только скажи, что мне делать?

Девушка медленно повернулась и задумчиво посмотрела на Марину.

— Убегай. Бери Надима и убегай. Потом будет поздно. Убегай сейчас! — решительно добавила она и облегченно вздохнула. — Я дам тебе деньги на билет. Я узнавала, сегодня самолет есть. Он летит через три часа. Ты успеешь. Только не выдавай меня.

— Что ты, я никогда не причиню тебе боли, — заплакала Марина и обняла ее за плечи, — только скажи, почему, почему мне надо так срочно бежать?

Девушка отстранилась, с болью посмотрев на невестку.

— Они не хотят отдавать тебе сына! — на одном дыхании выпалила она.

— Не хотят... — растерянно повторила Марина. — Как это — не хотят?..

Земля медленно качнулась и уплыла из-под ее ног.

Несколько минут она невидящим взором смотрела в одну точку. Ничего не понимала, только слышала слова девушки, звенящие в голове: «Не хотят отдавать тебе сына... сына... сына...». А ведь этот маленький человечек был не просто ее ребенком; он был тем, без чего она не смогла бы

жить. Это было ее солнце, ее воздух, ее вода. Смахнув пелену тревоги, отбросив в сторону эмоции, Марина решительно посмотрела на нее.

— Скажи, Алия, кто сейчас есть в доме? — поинтересовалась она.

— Никого, только мы и прислуга. Мать ушла на базар. Думаю, что она вернется не раньше, чем через два часа. Тебе надо спешить! — сказала девушка и протянула увесистый потертый конверт. — Возьми, это деньги. Не беспокойся, они мои. Я их сама собирала. Этой суммы хватит и на билет, и на то, чтобы некоторое время вы с Надимом ни в чем не нуждались. А потом... Потом я с тобой свяжусь. Запомни: я никогда-никогда не забуду тебя! И если смогу, буду всегда помогать тебе и моему дорогому племяннику! И ты меня, слышишь, тоже никогда не забывай. А пока нам лучше попрощаться.

Заплакав, Марина обняла Алию за плечи и искренне поцеловала. Оставшись одна, она собрала вещи. Стремясь остаться незамеченной, вышла через черный ход и уже полчаса спустя сидела в такси. Тихо посапывая, рядом дремал Надим. И чем дальше они удалялись от дома, тем сильнее билось ее сердце. «Только бы успеть, только бы успеть...» — звенело в ее голове.

Войдя в здание аэропорта, Марина сразу заметила пожилую пару, стоящую недалеко от касс.

Посмотрев на их славянские черты лица, сразу решила, что это земляки. Нарочно пройдя мимо них, женщина действительно услышала родную речь. Так говорили только украинцы. Интуиция ее не подвела. Остановившись рядом, немного волнуясь, она вежливо перебила их разговор.

— Простите, вы летите в Киев?

— Да, — удивленно произнес мужчина и внимательно посмотрел на нее, — а что?

— Простите, я прекрасно понимаю, что не имею права обременять вас своими проблемами, но у меня нет другого выхода. Мне тоже надо лететь в Киев, но я с маленьким ребенком, а у меня еще нет билета. Вы бы не могли присмотреть за моим сынишкой?

— Конечно, конечно! — ответила дама, расплывшись в доброжелательной улыбке. — Мы так любим малышей! Не переживайте, мы за ним присмотрим.

Оставив Надима на попечение земляков, Марина поспешила к кассам. Несмотря на пасмурную погоду, в воздухе стояла невыносимая жара. Тонкими ручейками по спине полились противные, липкие струйки пота. Отвернувшись от пристальных взглядов арабов, Марина слегка развязала косынку, поправив прилипшие ко лбу волосы. Неожиданно на ее плечи упала пышная белокурая прядь. Сзади послышался тихий

озлобленный шепот. Быстро спрятав волосы, женщина крепко завязала платок. Время тянулось мучительно долго. Постоянно оглядываясь на пару, воркующую над сынишкой, она купила вожделенные билеты. Теперь дороги назад не было.

Без проблем пройдя таможенный досмотр и регистрацию, Марина облегченно вздохнула.

Уютно уютившись в кресле самолета, женщина с грустью смотрела в окно иллюминатора. Так и не принявшая ее страна оставалась позади. За окном виднелись унылые песчаные равнины, окруженные низким, тяжелым небом. Казалось, что сама природа болеет и плачет вместе с ней. Рядом, устав от перемены мест и событий, с соской во рту посапывал сынишка. Наклонившись, Марина аккуратно поправила плед и тихо заплакала. Теперь для них было все позади. Медленно набирая обороты, загудели турбины. Самолет плавно качнулся и двинулся по взлетной полосе.

Неожиданно, проехав несколько метров, самолет остановился. Пассажиры заволновались. Глядя в иллюминатор, Марина увидела, как на огромной скорости к самолету несется полицейская машина. Подождав трап, из машины выскочили двое полицейских, а следом за ними спешил Муфид. Сердце женщины болезненно сжалось и пропустило удар. Не зная, что сейчас будет, она взяла на руки сынишку и испуганно прижала к себе.

Дальше все происходило, как в кошмарном сне.

Марина плохо запомнила разъяренные лица полицейских, которые обвиняли ее в похищении гражданина Сирии, плохо запомнила те слова, которые выкрикивал Муфид, вырывая из ее рук сына. Женщина запомнила только плач, который звенел у нее в ушах, когда Надим, протягивая ручки, испуганно звал ее на помощь. Не помня себя от горя, под проливным дождем Марина бежала за полицейской машиной, в которой, не обращая внимания на обезумевшую женщину, увозили ее сына.

После бесцельного скитания по городу, без документов и денег, оставленных в самолете, поздним вечером Марина подошла к дому Муфида. Но муж ее больше не интересовал. Здесь был ее сын. Дрожащей рукой нажав на кнопку звонка, она невольно отступила назад. Словно бродячая собака, сжимаясь от страха, женщина испуганно застыла у двери. Она не знала, пустят ее в дом или, громко обругав, выгонят на улицу. Она не знала, поймут ее или покарают. Она знала одно: в этом доме осталась частица ее сердца, отданная самому дорогому человеку — сыну.

Ей не пришлось долго ждать. Двери дома быстро распахнулись, и на пороге, выставив вперед свою толстую ногу, застыла свекровь.

— Что тебе надо? — не скрывая раздражения, выкрикнула она.

— Где мой сын? — осипшим голосом спросила Марина.

— Хочу заметить, что это не только твой сын, но и сын моего сына, и наш внук, — снисходительно ответила женщина и презрительно усмехнулась.

— Странно, а ведь совсем недавно вы считали совершенно иначе! Вы абсолютно не интересовались ни внуком, ни тем, как он растет. Ведь это вы говорили Муфиду о том, что Надим не его сын. Так зачем, зачем он вам нужен?! Отдайте его мне, дайте нам уехать, и мы больше никогда, слышите, никогда ничем не потревожим вас, — с мольбой в голосе простонала Марина.

— Не тебе судить о моих чувствах, бессовестная женщина! — величественно подняв голову, выкрикнула свекровь. — Чтобы это понять, надо знать нас и нашу страну. Ты этого никогда не хотела. Ты без спроса и приглашения пришла в наш дом, нарушила наш уклад и вековые традиции. Ты опозорила нашу семью, лишила сна и покоя всю нашу родню. Разве мы могли спокойно жить, глядя на то, как пропадает Муфид! Ты специально очаровала его, для того чтобы, не приложив никаких усилий, получить наше богатство.

— Не смейте так говорить! — вскипела Марина. Слезы ручьем полились из ее глаз. — Я любила Муфида! И думала, что он любит меня. И не я бегала за ним по улицам Киева, а он за мной! Это он привел меня в ваш дом. В дом, в котором, кроме любви и тепла, мне ничего не было нужно. И коль так сложилось, давайте расстанемся по-хорошему: отдайте мне сына, и мы улетим ко мне домой.

— Ты посмотри, какая шустрая! — закричала свекровь и топнула ногой. — «Отдайте сына!» Нет уж! Раньше надо было думать! Теперь поздно. Мы не можем отдать тебе, падшей женщине, ребенка, который носит нашу фамилию. Неужели ты не знаешь, что по законам нашей страны после развода опека над ребенком поручается отцу? А право быть воспитателем ребенка имеет бабушка по линии отца. Ведь после того, что ты сделала, украв из семьи наследника, никто не позволит тебе, поправшей наши законы, получить на воспитание сына. К тому же, вместе с тобой ребенок обречен на нищенское существование, ведь ты не имеешь ни средств, ни пристойной работы. Скажи нам спасибо, что полиция Дамаска не завела на тебя уголовное дело. Убирайся отсюда!

Выслушав свекровь, Марина почувствовала, как внутри что-то сжалось и оборвалось. По телу разлилась ледяная волна слабости. Разъяренное